

УДК 902(571.52)

В.В. Тишин¹, Н.Н. Серегин²

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КОМПЛЕКСА УЮК-АРЖАН: К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОЦЕССОВ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ТУВЫ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ*

Представлен опыт комплексного изучения материалов исследования памятника Уюк-Аржан. Данный комплекс, расположенный на территории Тувы, примечателен сочетанием довольно точно датируемого погребения со стелой, содержащей руническую надпись и тамгу. Анализ результатов раскопок захоронения позволил обозначить возможности определения места рассматриваемого памятника в системе объектов Тувы и сопредельных территорий периода раннего средневековья. Высказано предварительное предположение о существовании в обозначенном регионе в VII – 1-й пол. IX в. группы населения, традиции которого указывают на возможность их связи с носителями кокельской культуры. Ни само содержание рунической надписи, начертанной на стеле, ввиду ее относительной лапидарности, ни ее орфографические или палеографические особенности не дают возможности извлечь из них какие-либо дополнительные сведения историко-культурного характера. Вместе с тем анализ тамгового материала в сопоставлении с другими подобными памятниками Тувы на основе косвенных датировок дает основания для построения гипотетической схемы хронологического распространения данных памятников, вписывая рассматриваемый комплекс в контекст этнокультурной истории Тувы. Кроме того, авторский анализ позволил подтвердить гипотезу И.Л. Кызласова о существовании на территории Тувы в докыргызское время самобытной письменной традиции, связанной с местным тюркоязычным населением и продолжившей свое существование даже после его интеграции в возглавленное кыргызами политическое образование и растворение в кыргызской культуре. Таким образом, памятник Уюк-Аржан открывает значительные перспективы для изучения не только этнокультурных процессов, но и отчасти социально-политической истории Тувы в раннем средневековье.

Ключевые слова: Тува, раннее средневековье, Уюк-Аржан, руническая письменность, тамга, погребение, курган, стела, этнокультурная история.

DOI: 10.14258/trai(2018)2(22).-07

Введение

Вопрос о датировке и атрибуции памятников древнетюркской рунической письменности бассейна р. Енисей после концептуальных работ Л.Р. Кызласова [1960; 1965б] в общих чертах считается решенным и, в сущности, подвергается дискуссиям лишь в ряде частных моментов [Насилов, 2000, с. 125–126; Щербак, 2001, с. 88–90]. Однако уже сам Л.Р. Кызласов отмечал, что проблема является несколько более сложной, это показал опыт привязки определенных памятников к археологическому контексту. Соотнося большую часть енисейских текстов с культурой кыргызов**, исследо-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Элита древних тюрков Центральной Азии (комплексный анализ археологических и письменных источников)» (№16-31-01029а2), а также в рамках реализации государственного задания Алтайского государственного университета (проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкция технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»).

** Здесь и далее авторами используется орфографическая форма *kyrkыz* для соответствующего обозначения группировки, населявшей Минусинскую котловину, по крайней мере в VI–IX вв. Это соответствует зафиксированному в памятниках древнетюркской рунической письменности написанию этнонима [Кормушин, 2008, с. 310–311; Şirin User, 2009b, с. 158–159]. Употребление формы *kyrgыz* подразумевается только в связи с известной в настоящее время этнической группой, проживающей на территории Средней Азии, в частности в Кыргызстане.

дователи имеют возможность выделить отдельные памятники, не укладывающиеся в этот контекст. Таким образом, изучение подобных объектов дает основания для реконструкции различных аспектов этнокультурных и социально-политических процессов, происходивших на территории Алтая-Саянского региона в раннем средневековье.

Одним из таких памятников является стела с надписью, известная под индексом Е 2 и наименованием «Уюк-Аржан». Данный комплекс был изучен Л.Р. Кызласовым, предложившим его достаточно раннюю относительно других памятников древнетюркской рунической письменности енисейского бассейна датировку [Кызласов, 1960, с. 98–100]. Учитывая, что за прошедшее время появились новые материалы раскопок с территории Тувы, сегодня мы имеем возможность использовать их для рассмотрения этнокультурных процессов на территории региона во 2-й пол. I тыс. н.э. на новом уровне. Одной из частных задач в указанном направлении является определение места комплекса Уюк-Аржан в системе археологических памятников региона раннего средневековья.

Археологический контекст комплекса

Большое значение для понимания историко-культурного контекста памятника Уюк-Аржан имеет анализ материалов раскопок данного погребального комплекса. Для этого необходимо обратиться к основным характеристикам объекта, зафиксированным в разных источниках.

Наиболее подробная информация о рассматриваемом памятнике содержится в дневниковых записях А.В. Адрианова, который осуществил раскопки комплекса в августе 1916 г. [Адрианов, 2008, с. 20–21, 130–133; Беликова, 2014, с. 265–269]*. Одиночный курган №54 представлял собой средних размеров каменную насыпь округлой формы. У восточного края сооружения был установлен переиспользованный «коленный» камень с рунической надписью. В могильной яме, расположенной под курганной насыпью, находился умерший мужчина, уложенный вытянуто на спине и ориентированный головой в западном направлении (рис. 1). Сопроводительный инвентарь захоронения включал предметы конского снаряжения, нож и золотую серьгу (рис. 2). Рядом с умершим находились кости овцы, очевидно, составлявшие жертвенную пищу.

Материалы раскопок погребения комплекса Уюк-Аржан впервые были рассмотрены Л.Р. Кызласовым [1960, с. 98–100, рис. 1–3] в статье, посвященной анализу памятников рунической письменности Верхнего Енисея. Археолог определил датировку памятника в рамках уйгурского периода и сопоставил его с захоронениями местного тюркоязычного населения (чиков). В вышедшей позже обобщающей монографии исследователь подчеркнул, что курган №54 Уюк-Аржан, как и серия других подобных объектов, оставлен группой раннесредневековых кочевников Тувы, обряд которых отличался от традиций чиков западной ориентировкой умершего [Кызласов, 1969, с. 79–80]. Несколько погребений данного типа, раскопанных экспедициями А.В. Адрианова и С.А. Теплоухова, также были частично опубликованы Л.Р. Кызласовым [1979а, с. 193–197]. Несколько лет назад комплекс Уюк-Аржан введен в научный оборот О.Б. Беликовой [2014, с. 265–269, рис. 272–276], которая провела скрупулезную работу с дневниками записями и коллекциями. По ее мнению, данное погребение дати-

---

* В монографии О.Б. Беликовой [2014, с. 265] памятник обозначен по названию местности как могильник Коктон.

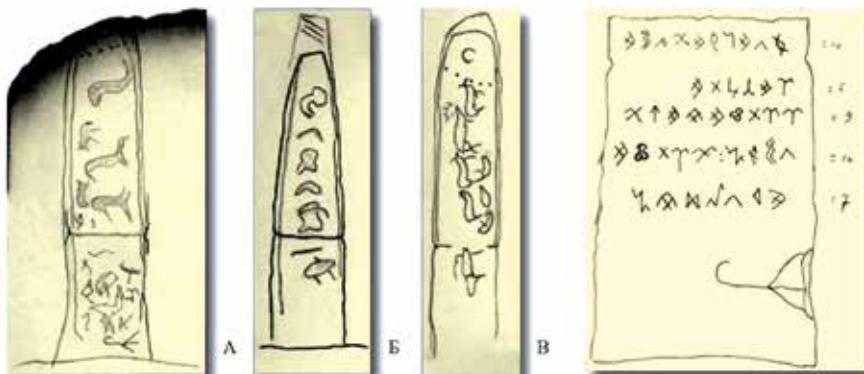

Рис. 1. Комплекс Уюк-Аржан: 1 – курган со стелой; 2 – схема «оленевого» камня с рунической надписью; 3 – погребение (по: [Беликова, 2014, рис. 74–76, 272])

руется VIII–IX вв. В недавней статье к материалам памятника Уюк-Аржан обратился И.Л. Кызласов [2015, с. 198–200], в целом повторив интерпретацию Л.Р. Кызласова.

К настоящему времени в ходе исследований в различных частях Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, в том числе в результате раскопок последних лет, накоплен значительный объем материалов, демонстрирующих особенности памятников 2-й пол. I тыс. н.э. Анализ массива этих сведений позволяет расширить представления о месте комплекса Уюк-Аржан в системе раннесредневековых объектов данной территории.

При исследовании погребения кургана №54 Уюк-Аржан зафиксирован довольно оригинальный набор показателей обряда. Ключевыми характеристиками, требующими рассмотрения, являются одиночная ингумация и ориентировка умершего головой на запад. Второстепенными следует считать такие признаки, как наличие предметов конского снаряжения при отсутствии сопроводительного захоронения лошади, подстилка из органических материалов и жертвенная пища. Большинством археологов раннесредневековые «одиночные» погребения в культуре кочевников Тувы и сопредельных территорий раннего средневековья связываются с обрядовой практикой, характерной для населения предшествующего времени, сохранившего традиции, нехарактерные для «алтайских тюрок» [Кызласов, 1969, с. 22–23; Длужневская, Овчинникова, 1980, с. 83; Нестеров, 1990, с. 50]. С.И. Вайнштейн [1966, с. 331], признав обоснованность такой интерпретации, не исключил и того, что рассматриваемые объекты относятся к культуре тюрок. Анализ таких объектов показал, что большая часть «одиночных» захоронений характеризуется ориентировкой умерших на восток, значительно реже – на север. При этом зачастую подобные погребения расположены в составе тюркских некрополей, основу которых составляли «стандартные» могилы с лошадью [Серегин, 2013]. Западная ориентировка умерших, похороненных по обряду одиночной ингумации, фиксируется на территории Минусинской котловины, отражая специфику локального варианта культуры тюрок [Серегин, 2014]. Однако отсутствие лошади в памятниках Среднего Енисея характерно почти исключительно для погребений женщин и детей.

В этом плане особую группу памятников, впервые обозначенную Л.Р. Кызласовым [1969, с. 79–80] и не имеющую, за редким исключением [Худяков, Борисенко, 1998, с. 369–373, рис. 1–2], аналогий в сопредельных регионах, составляют «одиночные» погребения с западной ориентировкой в Туве. К настоящему времени, с учетом в целом сравнительно невысокой степени изученности раннесредневековых комплексов на обозначенной территории, известна уже довольно представительная серия таких объектов. Среди наиболее показательных погребений данной группы, введенных в научный оборот и содержащих достаточный для датировки инвентарь, отметим Бай-Даг-7, курган №1 [Килуновская и др., 2014]; Булук, курган №6 [Кызласов, 1979а]; Догээ-Баары-II, курган №8 [Кисель, Николаев, Хаврин, 2003, рис. 3–4]; Куй-Бар, курган №98 [Кызласов, 1979б, с. 108–109, рис. 1–2]; Кызыл-Булук, курган №139 [Кызласов, 1979б, с. 112, рис. 5–6]; Салдам, курган №2 [Беликова, 2014, рис. 85–87]; Танам, курган №23 [Кызласов, 1979а]; Уюк-Тарлык, курган №46 [Беликова, 2014, рис. 208–210] и др. При некоторой вариабельности показателей (положение умерших – вытянуто на спине, скочено на боку; конское снаряжение присутствует в части объектов, не во всех могилах фиксируется жертвенная пища и др.) очевидно, что эти комплексы

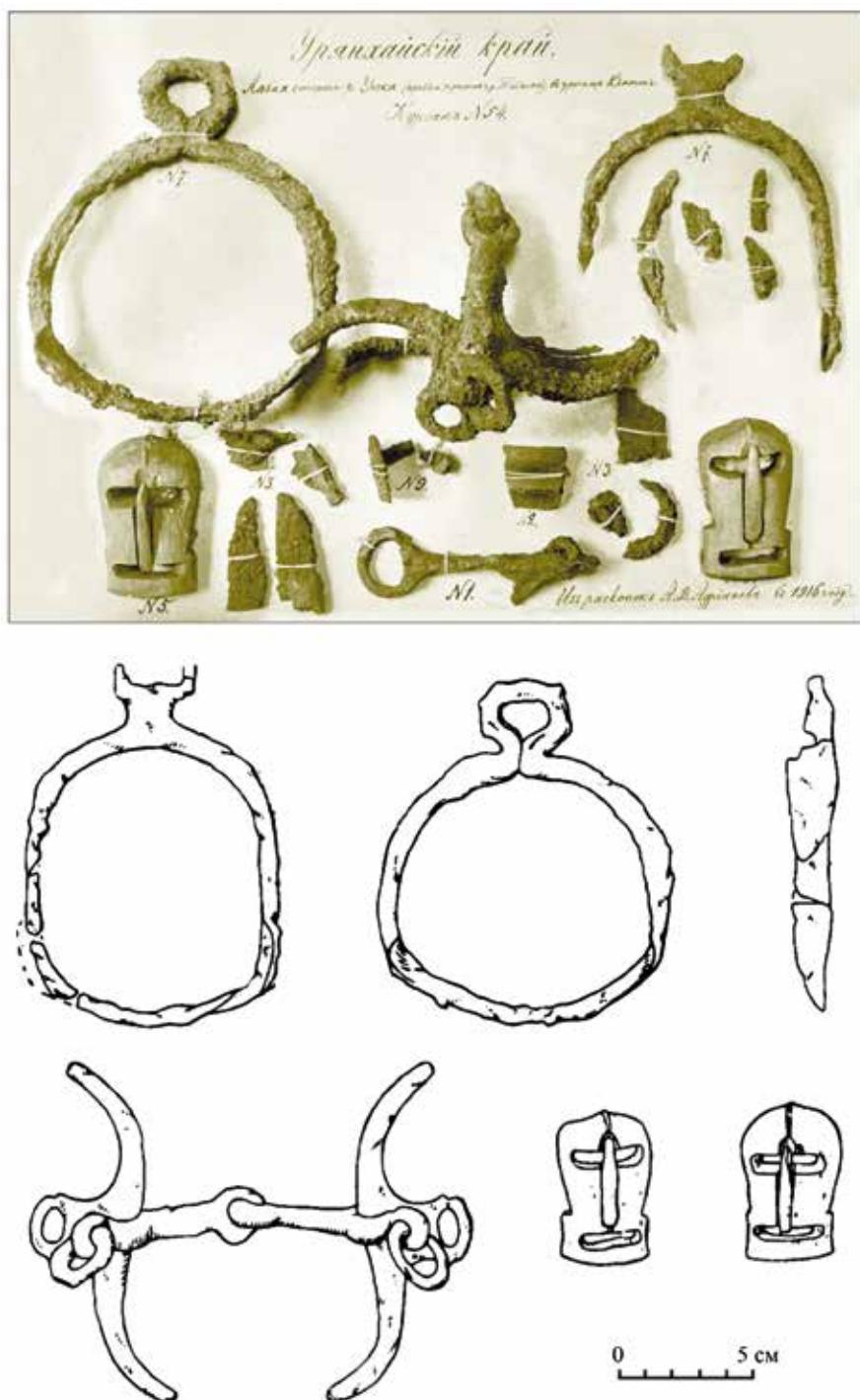

Рис. 2. Предметный комплекс из захоронения памятника Уюк-Аржан
(по: [Кызласов, 1960, рис. 2; Беликова, 2014, рис. 273])

отражают существование в Туве определенной группы населения, проживавшей на данной территории в различных историко-политических условиях. Наиболее ранние погребения данной группы датируются в рамках VII – 1-й пол. VIII в. Судя по всему, основная часть объектов демонстрирует сохранение обозначенных традиций во 2-й пол. VIII – 1-й пол. IX в.

К последнему из обозначенных периодов в истории Тузы относится и рассматриваемый комплекс Уюк-Аржан. Хронологическими маркерами погребения кургана №54 являются предметы конского снаряжения. Удила с восьмерковидными окончаниями звеньев и S-видными железными псалиями со скобой в середине получили распространение в памятниках VIII–IX вв. [Вайнштейн, 1966, табл. V.-17; Савинов, 1982, рис. 12.-2; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. II.-4; и др.]. Стремена демонстрируют отсутствие «поздних» признаков, характерных для конца I тыс. н.э., и могут быть датированы в рамках VIII – нач. IX в.

Вопрос о происхождении и исторических судьбах данной группы населения требует проведения отдельного исследования, предполагающего в том числе продолжение целенаправленных раскопок на территории Тузы для расширения источниковой базы. На данном этапе можно осторожно предположить определенную связь с традициями кокельской культуры, для которых характерны одиночная ингумация в вытянутом положении, западная ориентировка умерших, погребальные конструкции из дерева и др. Некоторые заключения об этнокультурной принадлежности кочевников, оставивших рассматриваемые комплексы, позволяет сделать анализ рунической надписи и стелы на переиспользованном «оленном» камне, установленном у восточного края кургана №54 комплекса Уюк-Аржан.

Надпись и тамга

Следует отметить, что содержание надписи, зафиксированной на стеле комплекса Уюк-Аржан, ничем выдающимся не отличается от других древнетюркских рунических памятников Тузы. При этом анализ особенностей ее оформления позволяет сделать ряд важных наблюдений. Как заметил И.В. Кормушин [2008, с. 92], несмотря на скучность каких-либо подробных сведений о меморианте в тексте, наличие тамги, «а также внушительные размеры древнего (уже в древнетюркскую эпоху) оленного камня, использованного для надписи, свидетельствуют о том, что это далеко не рядовой воин».

Проблемы интерпретации рунической надписи

Несмотря на длительную историю изучения и саму лапидарность надписи, ее «прочтение и интерпретация, по справедливому замечанию И.В. Кормушина, вызывают затруднения» [Кормушин, 1997, с. 257]. Надпись нанесена на поверхность камня поперечно. А.М. Щербак и много позже независимо от него И.Л. Кызласов предложили читать памятник от нижней строки к верхней [Кызласов, 1998, с. 70, прим. 2]. Фраза в стк. 2, если считать сверху, или стк. 4, если читать текст от нижней строки, может отчасти стать ключом к некоторым догадкам. Если читать четвертый знак как /t²/ ꙗ, к чему склоняются И.Л. Кызласов и Э. Айдын, то вся строка, должна читаться (e)l(i)m etd(i)m [Кызласов, 1998, с. 70; Yıldırım, Aydin, Alimov, 2013, с. 25–26]. И.Л. Кызласов [1994, с. 121–124] в свое время предложил интерпретировать X-образный знак в енисейских надписях как открытый /ä/, в отличие от дугообразного ꝑ, передающее закрытый /e/. Однако глагол *et*- ‘to create’ подразумевает именно закрытый глас-

ный [Clauson, 1972, p. 36–37; Севортьян, 1974, с. 312], как и термин *e1* ‘realm’ [Clauson, 1972, p. 121–122; Севортьян, 1974, с. 339–343]. Поскольку они употреблены в одной конструкции, пришлось бы без какого-либо объяснения допустить, что в одном случае знак выписан, в другом соответственно нет. Точно так же противоречит этому чтению и употребление в стк. 1 сверху (или стк. 5, если читать снизу) слова *ęš(i)t* ‘мой(-и) товарищ(-и)’ (у И.В. Кормушина ‘мои супруги’), с выписаным первым знаком, который должен передавать именно закрытый /e/. Однако какие-либо другие варианты прочтения не могут считаться удовлетворительными вовсе [Кормушин, 1997, с. 259–260]. Аналогично не дает уверенного объяснения и читаемое в конце стк. 3 предполагаемое воскличание *aq“(u)z*, употребляемое в других памятниках без инициального знака [Кормушин, 1997, с. 260; 2008, с. 257].

Таким образом, рассмотрение надписи с филологической точки зрения ставит больше вопросов, нежели позволяет получить какие-либо зацепки для заключений историко-культурного характера, чего хотелось бы ожидать от памятника, учитывая его относительно раннюю по сравнению с другими памятниками региона датировку.

*Возможности интерпретации тамгового материала
в контексте источников других групп*

Для стелы характерна тамга в форме птичьей лапы, которую мы находим еще на трех памятниках (Е 51; Е 109; Е 110). И.В. Кормушин читает на них этноним *toq(u)z oyd(a)md(a)m* (Е 51, стк. 2; Е 109, стк. 1; Е 110, стк. 1) [Кормушин, 1997, с. 263, 264], видя нечто похожее в надписи комплекса Ир-Холь (Элегест-IV) (Е 70, стк. 3) [Кормушин, 2008, с. 311–312] (см., однако: [Yıldırım, Aydin, Alimov, 2013, с. 157]), имеющего совсем иную тамгу – типа «дуга над двумя крюками» [Кызласов, 1965б, с. 41, рис. 3; Васильев, 1983б, с. 52]. Однако предложенное И.В. Кормушиным толкование текста вызывает орфографические проблемы [Erdal, 2002, с. 63, 65] и, вероятно, ошибочно – нужно глагол *oy(a)dm(a)d(i)m* ‘I did not fall behind’ (<*oy-ad-* ‘to tarry, to fall behind’)> [Erdal, 1991, p. 488–489], ‘ich hatte keine Gelegenheit!’ [Erdal, 2002, p. 65], или ‘боу olmasina izin vermedim, kabile olmasina müsaade etmedim’ [Sertkaya, 2008, s. 227–228; Sertkaya, 2014, s. 4–7], спр. *ogdama-* ‘elde edememek, imkân bulamamak’ [Yıldırım, Aydin, Alimov, 2013, s. 505]. С.Е. Малов лишь гипотетически видел здесь *tokuz oğdamadamy* ‘девять мест моих ранений от стрел’ [Малов, 1952, с. 100] (ср.: [Кызласов, 1965а, с. 104]), у И.Л. Кызласова *oyd(a)m(a)d(a)m* ‘расстояние в полет стрелы’ [Кызласов, 2015, с. 202]. Так или иначе, все эти интерпретации пока еще сохраняют статус дискуссионных.

Фактически весь комплекс памятников с обозначенной тамгой типа «птичья лапа» (Е 2; Е 109; Е 110) ведет происхождение с территории Уюкско-Туранской котловины. Как установлено сегодня благодаря открытию О.Б. Беликовой [2014, с. 137–139, 138 (рис. 66), 151, 153, 290], изначальное место нахождения памятника Е 51 было в урочище Бай-Булун, в составе погребального комплекса, к востоку от кургана №22 (не стела Е 42, как считалось ранее). Находящийся рядом курган №21, к которому может быть привязана другая стела, – это, как теперь ясно, так называемый «памятник из Тувы» под индексом Е 50 (а не стела Е 49, как считал Л.Р. Кызласов) [Беликова, 2014, с. 135–137, 136 (рис. 65), 151, 153, 290]. Обе стелы по археологическим характеристикам находящихся рядом погребений явно относятся кыргызской культуре [Кызласов, 1983, рис. 2.-7-12, 15–19; 3]. Оба кургана, к которым «привязаны» памятники, могут

быть датированы: курган №22 (Бай-Булун-I – Е 42) – серединой X в., курган №21 (Бай-Булун-II – Е 49) – 2-й пол. X в. [Кызласов, 1960, с. 102, 114, 120; 1983, с. 157–158]*. Против таких критериев их датировки возражает Л.Г. Нечаева [1966, с. 141–142, прим. 106], поскольку курган №22, к которому изначально «привязывалась» стела Бай-Булун-I, не содержал погребения по обряду трупосожжения, а стела Бай-Булун-II сопровождалась будто бы четырьмя балбалами и розеткой из шести камней, возможно, с ней не связанными. Однако речь идет о трех поставленных в ряд к востоку от нее «оленных» камнях, далее которых «была поверхностно выложена розетка из 9 камней» [Кызласов, 1983, с. 157–158; Беликова, 2014, с. 187, 188, рис. 128, 470]**. Г.В. Длужневской такая датировка Л.Р. Кызласова была принята [Грач, Длужневская, Савинов, 1998, с. 13, 52–53 (карта)].

Для нас имеет значение тот факт, что обозначенные погребения могут быть отнесены ко 2-й пол. IX – X в., поскольку конкретизация, предложенная Л.Р. Кызласовым, основывалась преимущественно на интерпретации форм тамговых знаков, трансформировавшихся во времени согласно его собственной схеме, что, впрочем, само по себе, дискуссионно [Насилов, 2000, с. 126; Щербак, 2001, с. 90]. Сейчас мы должны понимать, что все интерпретации Л.Р. Кызласова касательно стелы Е 42 относятся к стеле Е 50, не имеющей тамги. И.В. Кормушин [1997, с. 277, 278] сделал важное уточнение в стк. 1, написанной кверх ногами по отношению к основному тексту и читающейся слева направо, выявив чтение *t(ä)yri [q(a)n(i)]m (ä)l(i)m* (Е 50, стк. 1). Учитывая характерное для памятника употребление специального знака для закрытого /e/ следовало бы ожидать *el(i)m*. Ср.: *el(i)m q(a)n(i)m* в соседней надписи Е 51 (Е 51, стк. 2).

С.Г. Кляшторным [2007] эта стела названа надписью из Минусинского музея и ввиду прочтения личного имени *kök amas totoq* (Е 50, стк. 2) (ср. также: [Древнетюркский словарь, 1969, с. 313]) – в бою с которым, согласно мнению исследователя, погиб мемориант, – датирована временем после похода кырков в Восточный Туркестан в 840–843 гг. По мнению И.В. Кормушкина [1997, с. 278, 279; 2008, с. 312], речь идет об этнониме *k(ö)k̄m(i)s ^خ&ش;ي*, который также читается исследователем в надписи из д. Очуры: *kōk̄mūsi نەخ&ش;بەن* (Е 26, стк. 16) [Кормушин, 2008, с. 17, 18, 20]. Однако проверить данное чтение в строке, не зафиксированной другими исследователями, не представляется возможным [Şirin User, 2009a, с. 169].

Согласно данным Г.В. Длужневской, археологические материалы с территории долины р. Элегест, обнаруживающей значительную концентрацию памятников древнетюркской рунической письменности, хотя и относящихся к разным тамговым группам, позволяют говорить о выделении локальной общности, связанной с тамгами типа «крест с двумя крюками», существовавшей здесь в период 1-й пол. X в., затем начавшей переселение на правый берег р. Улуг-Хем [Грач, Савинов, Длужневская, 1998,

* У Л.Р. Кызласова разное соотнесение стел с курганами: в статье 1960 г. – курган №21 с Е 49, курган №22 с Е 42, в статье 1983 г. – курган №21 с Е 42, курган №22 с Е 49.

** Л.Р. Кызласов отметил такое же рядное расположение из четырех плит в нескольких случаях: «4 стелы с текстами в Кёжээлиг-Хову на р. Чая-Холь (№17, 21, 22, 23), две стелы с текстами в одном ряду с двумя простыми плитами (одна упала) на р. Барык (№6 и 7); стела с надписью в ряду с тремя простыми плитами в Кёжээлиг-Хову на р. Эжим; стела с надписью в ряду с тремя простыми плитами в Тёрт-Кёжэ на р. Телэ». По наблюдениям ученого, «4 плиты обычно ставились в ряд с северо-северо-востока на юг-юго-запад» и эту черту он отметил как характеристику чаатасов [Кызласов, 1965б, с. 42; 1969, с. 116].

с. 65–68, 70 (табл. XXVI), 71 (табл. XXVII)]*. Однако, это предположение о миграции носителей тамг рассмотреваемого типа из долины Элегеста на правый берег Улуг-Хема сделано, видимо, только на основе памятника Элегест-I (Е 10), единственного с тамгой такого типа, обнаруженного в долине р. Элегест [Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 65]. Л.Р. Кызласов в свое время датировал обозначенный комплекс серединой X в. [Кызласов, 1960, с. 102, 113, 119] или позже – концом X в. [Кызласов, 1965б, с. 41, 46], что в целом не исключает возможности, тем более при соотнесении с курганом, более широкой датировки: серединой IX – X в. [Кызласов, 1960, с. 102; 1969, с. 108; 1981, с. 57] Характерно, что, судя по всему, курган содержал два погребения по обряду трупосожжения – основное и сопровождающее его женское [Кызласов, 1983, с. 155]. Э. Айдын вслед за Л. Базеном реконструирует в стк. 9, где речь должна идти о смерти меморианта, фразу *b[ar]s ji̇lta*, т.е. ‘в год барса’ [Bazin, 1991, p. 101, 113; Yıldırım, Aydin, Alimov, 2013, s. 42].

Формально титул меморианта *alp ırıju* (Е 10, стк. 5) [Tekin, 1995, s. 23–24; Yıldırım, Aydin, Alimov, 2013, s. 41, 42] может быть сопоставлен с наименованием посла кыркызов к танскому двору летом 843 г.: Вэнь-у Хэ 温忤合, где при реконструкции звучания второго иероглифа как *alp, сочетание первого и второго дает пиньин. *wēn-wū* < ран. ср.-кит. **?wən-ŋɔ⁹*, позд. ср.-кит. **?un-ŋuə⁹* [Pulleyblank, 1991, p. 322, 326], ср.-кит. **?wən-ŋuo* [Schuessler, 2009, p. 335 (К. 426 = 34–16c), 52 (К. 60 = 1–30g)], что в целом позволяет предполагать **u[ru]ju alp*. Ср.: < *Urgu Alp [Супруненко, 1970, с. 79], ср. имя собственное или нарицательное (?) *alp ırıju* в надписи Чая-Холь IV (Е 16, стк. 1) [Yıldırım, Aydin, Alimov, 2013, s. 55]**, *ırıju* ‘ знамя’, ‘flag, standart’, ср. карах.-уйг. *īgūy* [см.: Древнетюркский словарь, 1969, с. 37, 615–616; Clauson, 1972, p. 236], ср. *ırıju* как титул [Кормушин, 2008, с. 36, 303–304; Aydin, 2016, s. 22].

Надо отметить, что последний памятник (Е 10) сближается с комплексом из этой же местности на правобережье Улуг-Хема Элегест-II (Е 52) с тамгой типа «дуга над крюком» с усложненным вариантом (или «дуга над двумя крюками» – иной вариант?) ввиду упоминания имени *körtlä* [Кормушин, 1997, с. 263]. Человеку с таким именем, носившим титул *хан*, служил мемориант стелы Элегест-I (Е 10). При этом мемориант надписи Элегест-II *körtlä sajın* именует «старшим братом» или «дядей по отцовской линии» (*äči*) некоего *хана* (Е 52, стк. 1) [Кормушин, 1997, с. 176; Yıldırım, Aydin, Alimov, 2013, s. 131]. Сочетание *körtlä qanım* встречено в одном манихейском фрагменте из Турфана, а имя *körtlä čor* – на одной из настенных надписей из Яр-Хото в Восточном Туркестане [Зуев, 2002, с. 251; Aydin, 2012, s. 164; см. еще: Sertkaya, 2017]***. Памятник Элегест-II также содержит имя *čač bar sayra sajın* (Е 52, стк. 3) [Кызласов, 1965а, с. 112; Кормушин, 2008, с. 144]****, на основе чего С.Г. Кляшторный, считая его

* И.В. Кормушин [1997, с. 14] также считает эту группу надписей относительно поздней.

** Ср.: [Кормушин, 2008, с. 37], где *alp* ‘отважный’, ‘храбрый’ – эпитет.

*** В связи с тем, что мемориант именует себя *bögü tärkän*, интересна фраза на одной из буддийских надписей на дощечке, датирующейся 1008 г.: *kün aj tngritäg küsänčig körtlä jaruq tngri büg/[ü] tngrikänim[i]z kül-bilgä tngri elig-ning orunqa olurmiš* ‘als kün-ay-tngritäg [aus] Quča, [der] körtlä-yaruq tängri, unser bögü tängrikän, auf dem Thron der kül-bilge tängri-Könige saß’ [Rybatzki, 2006, S. 235, 409, 565, 644, 711, 735], но употребление в таком же документе 983 г. сочетания *tngrikän körtlä qatun ingrím* [Rybatzki, 2006, S. 410, 475] показывает, что само слово было лишь эпитетом. См. также: [Erdal, 1991, p. 405–406].

**** Ср. иное чтение: [Yıldırım, Aydin, Alimov, 2013, s. 131].

вслед за И.В. Кормушиным согдийским (чачским), датирует памятник 2-й пол. IX в. [Кляшторный, 2013б]. Л.Р. Кызласов на основе археологических данных писал о середине X в., но подразумевал принадлежность к периоду 2-й пол. IX – X в. [Кызласов, 1965а, с. 112, 113; 1983, с. 154].

Надписи Элегест-II (Е 52) и Элегест-III (Е 53), как и Элегест-IV / Ир-Холь (Е 70), являются наиболее восточными, если отождествлять их с типом «дуга над крюком» [Кормушин, 1997, с. 174]. Если будем рассматривать отмеченные Е 52 и Е 70 как тамги того же типа, то уместно обратить внимание на замечание И.В. Кормушкина [1997, с. 16, 175, 177], что оба они могут быть палимпсестами. Упомянутый памятник Элегест-IV / Ир-Холь (Е 70) Л.Р. Кызласовым [1965а, с. 106–111; 1965б, с. 39–40; 1969, с. 108] также датируется в рамках середины IX – X в.

Сейчас имеется несколько больше данных о памятниках с тамгой типа «крест с двумя крюками» [Кормушин, 1997, с. 134 (карта), 136–137, 228; Васильев, 1983б, с. 52], чем имел Л.Р. Кызласов [1960, с. 105, рис. 8], но едва ли возможно что-то сказать о них. Исходя из полученных данных, мы можем пока лишь сделать предположение о подчинении в 1-й пол. X в. определенной группы носителей тамги типа «крест с двумя крюками» группе с тамгой «дуга над двумя крюками», родственной некоему хану.

Мемориант надписи Элегест-I участвовал в какой-то битве при *čäviliq* ($\check{C}b^2l^2gd^2A$) (Е 10, стк. 8), что есть Шивилиг, который, как нам думается, следует отождествлять с местностью именно в Бий-Хемском районе [Кормушин, 1997, с. 237, 241; Кормушин, 2008, с. 100–102, 312; Yıldırım, Aydin, Alimov, 2013, с. 41, 42]. Нельзя сделать определенное заключение, идет ли речь о столкновениях с уйгурами, что допустимо, если мы принимаем отождествление меморианта с персонажем китайских летописей, либо скорее о каких-то (междоусобных?) столкновениях с другими племенными группировками Тувы. Следует учесть, что поскольку это сражение было специально отмечено в эпитафии, оно должно было представлять собой в той или иной степени значимое событие.

На правобережье Эйлиг-Хема с несколько более сложной тамгой данного типа «крест с двумя крюками» обнаружен памятник Хербис-Баары (Е 59), рядом с погребальным курганом с обрядом трупосожжения, который Л.Р. Кызласов [1965б, с. 39–41, 48, рис. 3] относил к рубежу X–XI вв., а Г.В. Длужневская на основе сравнительных аналогий датировала 2-й четвертью X в. [Длужневская, Семенов, 1990, с. 76, 79–80]. Однако С.Г. Кляшторный, исходя из содержания текста, являющегося эпитафией некоего Кюлюг Йегена, который, судя по всему, погиб в 27 лет, не вернувшись из похода на *toquz tatar*, связал надпись с событиями периода 842–843 гг. [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 145–146; Кляшторный, 2006, с. 346–348]*, что в целом соотносится с датировкой, предложенной С.И. Вайнштейном [1963]. Правда, Бай Юйдун на этом же основании относит надпись к X в. [Bai Yudong, 2011]. В достоверности упоминания этнонима *tatar* сомневается И.В. Кормушин [2008, с. 147], хотя прежде писал об этом уверенно [Кормушин, 1997, с. 244]. Датировка, сделанная на основе археологических характеристик, выглядит предпочтительнее.

* Даже если отождествлять *tatar* древнетюркских рунических текстов с *ши-вэй* 室韋 китайских источников, как предлагают некоторые исследователи [Викторова, 1980, с. 156], в данном случае это несущественно влияет на датировку: известен поход кыргызов на *ши-вэй* 室韋 в 848 г. [Drompp, 2002, р. 396].

В надписи Хербис-Баары (Е 59, стк. 3) от лица меморианта говорится, что его отец служил в должности *ögä* (см. ниже) правителю, названному *bäg* [Кормушин, 1997, с. 246; 2008, с. 146–147; Yıldırım, Aydin, Alimov, 2013, с. 141]. Любопытно, что для всех текстов этой группы характерно употребление термина *qan* в непосредственной увязке с *el* (Е 10, стк. 5; Е 59, стк. 1; Е 100, стк. 1–2; Е 147, стк. 4; Е 149, стк. 3) [Кормушин, 2008, с. 270–272]. Ряду этих текстов (Е 10; Е 59; Е 147; Е 149) присуще употребление местоимения 1 л. ед. ч. в форме *män**.

Мемориант отмеченной выше надписи Элегест-III (Е 53), стела с которой проходит из этой же местности, хотя не имеет тамги**, носил титул *ögä* и служил хану и пять раз уходил и возвращался в родную землю (*el*) (Е 53, стк. 2) [Кормушин, 2008, с. 144–145; Yıldırım, Aydin, Alimov, 2013, с. 133]. Очевидно, в походы, что подсказывает указание «во имя мужской доблести» (*är ärdämi üçün*). Эта формулировка сближает текст с группой памятников с территории Хакасии (Е 29, стк. 6; Е 30, стк. 4; Е 31, стк. 4) [Şirin User, 2011, с. 118]. При этом в надписи Элегест-III (Е 53) упоминается, что некий хан ведет свое происхождение от *täyri* (неясно, написание окончания третьей лексемы в стк. 3 *kök täyridä boltIk* (? или *boltım*) *är ol qan ur[i] törämiš* [см.: Васильев, 1983б, с. 19, 70, 91], где первое чтение предпочитает И.В. Кормушин [1997, с. 279–280], но с его интерпретацией не согласен М. Эрдал [2002, р. 61]. Другие исследователи склоняются к чтению третьей лексемы именно как *b¹w¹l¹t¹M* [Малов, 1959, с. 72; Батманов, Арагачи, Бабушкин, 1962, с. 62; Yıldırım, Aydin, Alimov, 2013, с. 133]. Эти чтения оспаривает Х. Ширин Усер, у которой *kök t(ä)yrl(i)dä bul(i)t kr²w¹(a)lq(i)nur tör(ii)m(i)ş* [Şirin User, 2011, р. 118–120], для чего пришлось бы предположить обозначение губного гласного в аффиксе причастия аориста – *Ur* [Ср.: Малов, 1959, с. 72].

В надписи Хербис-Баары упомянут *qan* и эпитет *täyritägim* (Е 59, стк. 6) [Кормушин, 1997, с. 245, 246, 282; Yıldırım, Aydin, Alimov, 2013, с. 141]. Употребление слова *bäg* как эпитета и титула *qan* в одном памятнике (Е 59, стк. 1, 6) явно свидетельствует о том, что первое не было здесь титулом***. Если мы принимаем трактовку термина *täk* (падежн. *täg-V*) ‘происхождение, род’ в сочетании *bars tägimä* в Первой Алтын-Кельской надписи (Е 28), то ввиду невозможности понимания из-за аффиксального показателя в тексте Хербис-Баары сочетания *täyri tägim* как личную форму выражения

* В.В. Понарядов [Понарядов, 2007, с. 128; Ponaryadov, 2007, с. 139] отмечает еще такую особенность, как формант дательного падежа +*A* (Е 100; Е 147; Е 149), но это не совсем так, поскольку в данных случаях речь идет о сращении прономинального *-n-* + аффикс + *GA*.

** Л.Р. Кызласов отмечал тамгу типа «дуга над двумя крюками» [Кызласов, 1960а, с. 105, рис. 8.-9] и на этом основании датировал надпись началом X в., а находившуюся рядом стелу с надписью Элегест-II (Е 52) – концом IX в. [Кызласов, 1960а, с. 113, 120]. Чуть позже ученый, указывая, что стелы Элегест-II (Е 52) и Элегест-III (Е 53) находились рядом со стелой Элегест-IV / Ир-Холь (Е 70), и на основе тех же материалов прилегающих курганов, исходя теперь из факта более простой формы последней, датировал оба первых памятника серединой X в. [Кызласов, 1965а, с. 113]. Д.Д. Васильев фиксировал как тамгу знак в виде уголка, вписанного в круг, что, по мнению И.В. Кормушина, является следствием совпадения расположения графемы в форме «крыши» /*s*/ с местом нанесения на «оленний» камень изображения более раннего времени [Васильев, 1983б, с. 52; Грач, Савинов, Дружневская, 1998, с. 70, табл. XXVI; Кормушин, 1997, с. 280].

*** Согласно наблюдениям И.В. Кормушина [2008, с. 272–275], термин *bäg* используется в енисейских надписях восточной географической группы как обозначение некоего должностного лица, далеко не первого в иерархии, в то время как в надписях западного ареала он обозначает какого-то очень могущественного правителя.

‘небоподобный’, скорее всего, его следует интерпретировать как ‘мой небесный род’ [Тишин, 2018, с. 112].

На основе датировок надписей Элегест-III (Е 53) и Хербис-Баары (Е 59), таким образом, устанавливается существование в X в. в низовьях р. Элегест и прилегающем правобережье р. Улуг-Хем института сакрализованного хана. Тамговая принадлежность памятников Е 50 и Е 51, также признающая хана (Е 51, стк. 2), предполагает, исходя из их расположения в рамках одного комплекса и наличия тамги на стеле Е 51, принадлежность их мемориантов к одной племенной группировке, однако также и их подчиненное положение по отношению к носителям тамги «крест с двумя крюками».

Проблемы хронологии памятников тамговой группы типа «птичья лапа»

В одной из надписей тамговой группы «птичья лапа», Уюк-Оорзак-III (Е 110, стк. 2), по мнению И.В. Кормушина [1997, с. 269; 2008, с. 162], встречено упоминание в качестве адресата прощания *t(ä)yri (ä)l(i)m* и титул *(a)lt(a)j j(a)bγu*, хотя этого нет у других исследователей [Yıldırım, Aydin, Alimov, 2013, s. 203]. Даже если это так, едва ли можно, как это сделал, в частности, С.Г. Кляшторный [2013а, с. 228], связывать этот титул с «ханским наместником» енисейских кыркызов на Алтае. Во-первых, насколько позволяет судить археологический материал, проникновение енисейских кыркызов во 2-й пол. IX – X в. на Центральный и Юго-Восточный Алтай носило достаточно мирный характер: их немногочисленные группы, хотя и занимали более привилегированное положение, тесно соседствовали с местным населением [Дашковский, 2015, с. 14–16, 22, 33–44, 118–119, 161–162]. Во-вторых, титул *йабгу* имел гораздо большее распространение, судя по памятникам рунической письменности, как раз в Уйгурском каганате, где его носил предводитель правого (западного) крыла *tarduš* [Şirin User, 2009b, s. 163–164, 270]. Таким образом, если бы чтение И.В. Кормушина могло быть подтверждено, мы получали бы косвенное указание на близость надписи к периоду уйгурского господства в Туве.

И.В. Кормушин [1997, с. 264, 267] считает данный памятник палимпсестом. Это может быть важно с учетом того, что расположенный в этой же местности памятник Уюк-Оорзак-I (Е 108) характеризуется тамгой «дуга над крестом» [Кормушин, 2008, с. 66–68; Yıldırım, Aydin, Alimov, 2013, s. 199–201]. Впрочем, еще Д.Д. Васильев [1983б, с. 15] отметил, что «следы тамги» здесь «слабо различимы», а И.В. Кормушин [2008, с. 66] выразил сомнение в том, что эта тамга связана с зафиксированной надписью. Данное обстоятельство имеет значение в контексте сделанных выше наблюдений о взаимодействии носителей тамги типа «птичья лапа» с группой носителей тамг типа «крест с двумя крюками», которая может быть связана с типом «дуга с двумя крюками», восходящим к «дуга с крюком», часть памятников которых в восточной части Центральной Тувы также являются палимпсестами [Кормушин, 1997, с. 16; 2004, с. 219–220]. Тем более что надпись представителя последней группы (тамга усложнена) также фиксируется в долине р. Уюк (Е 1, Уюк-Тарлык). В стк. 1 Уюк-Оорзак-I тоже присутствует формула *el(i)m q(a)n(i)m* [Кормушин, 2008, с. 66, 67; Yıldırım, Aydin, Alimov, 2013, s. 200] (ср. выше в Е 51, стк. 2). Э. Айдын вслед за Д.Д. Васильевым читает здесь в стк. 3 упоминание реки *egök*, а в стк. 4 (если так же не считать ее первой, читая от нижней строки к верхней) формулировку *män (a)lt(a)j oyli* [Yıldırım, Aydin, Alimov, 2013, s. 200]. Если первое слово соотносится с упоминанием в стк. 4 надписи Уюк-Туран (Е 3) – с тамгой типа «дуга над крестом» исходного варианта – *(ä)gök q(a)tun*, т.е.

рекой Уюк, к долине которой мемориант употребляет выражение *järim* ‘моя земля’, то второе, ‘я сын Алтая’, соблазнительно соотнести с предложенным И.В. Кормушным чтением титула в стк. 2 надписи Уюк-Оорзак-III (Е 110), где в этом случае слово (*a)lt(a)j* может быть не названием какой-то области, а личным именем.

По формальным показателям надпись Уюк-Оорзак-I (Е 108) может быть палеографически сближена с надписью Уюк-Оорзак-II (Е 109) [Васильев, 1983а, с. 150, табл. 37]. Для надписи Уюк-Оорзак-II характерно необычное написание слова *saijun* (< кит. *цзян-цзюнь* 将軍) [Aydin, 2016, с. 18–19] (пиньинь. *jiāng-jūn* < ран. сп.-кит. *tsiaŋ-kun, позд. сп.-кит. *tsiaŋ-kyn) [Pulleyblank, 1991, р. 149, 169]: *S(a)Dw^ln^l)* (Е 109, стк. 3) [Yıldırım, Aydin, Alimov, 2013, с. 201, 202], т.е. со свистящим спирантом (палализованным?).

К сожалению, лишь гипотетически предполагая данное значение инициального знака, мы в то же время пока объективно не можем ничего сказать о соотношении графики памятников древнетюркской рунической письменности с возможными фонетическими особенностями носителей речи. И даже если это явление имело место, нет возможности определить, отражали ли памятники речь именно тех локальных групп населения, к кому принадлежали меморианты, или же исключительно писцов, поскольку вопрос о существовании некоей социальной категории «грамотеев» плавно накладывается на вопрос о степени распространения грамотности в древнетюркской среде вообще.

Так или иначе, высказанные гипотезы об отнесении памятника Уюк-Аржан, как и всех памятников с идентичной тамгой, к представителям местного, докыргызского населения [Кормушин, 1997, с. 17, 263; Кызласов, 1998, с. 73, 74; 2015, с. 200] представляются обоснованными. И, несмотря на ненадежность чтения всех трех памятников группы Уюк-Оорзак, их данные могут быть косвенно использованы для реконструкции этапов взаимодействия местного населения с кыргызами.

По мнению Г.В. Длужневской, проникновение носителей кыргызской культуры, четко увязывающихся с тамгой типа «дуга над крюком», в Уюкскую котловину происходило в течение всего периода IX–X вв. [Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 48, 66], а второй этап притока нового населения относится к концу X – началу XI в. [Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 51, 66, 67, 69]. Поскольку «привязанные» к погребениям памятники Е 2 и Е 51 датируются соответственно не позднее 2-й пол. IX в. и 2-й пол. IX – X в. (или, вероятно, ближе ко 2-й пол. X в.), по формальным логическим соображениям датировка памятников Е 109 и Е 110, а возможно, и Е 108 как палимпсеста должна помещаться в промежуток 2-й пол. IX – 1-й пол. X в. Однако ввиду разночтений попытка установления соотношения между ними на основе лишь отдельных фраз представляется преждевременной. В данном случае очевидна необходимость проведения дальнейших исследований.

Очень важное обстоятельство отметил И.Л. Кызласов относительно всех памятников с тамгой типа «птичья лапа» – это нанесение тамги ниже поминального текста, строки которого направлены вверх (несколько сложнее с Е 51 [Кормушин, 1997, с. 261]). При этом памятник Уюк-Аржан уникален тем, что текст начертан поперечно, а не продольно, как это отмечено в большей части енисейских эпитафий [Кызласов,

* Впрочем, Ф. Рыбацки [Rybatzki, 1997, S. 90, Anm. 241] полагает, что, в отличие от *säjün*, форма *saijun* восходит к *сян-күн* 相公 ‘Exzellenz’ (пиньинь. *xiān-gōng* < ран. сп.-кит. *siayh-kəwy, позд. сп.-кит. **siayh'-kəwy*) [Pulleyblank, 1991, р. 338, 108].

2015, с. 198–199]. И.Л. Кызласов [1998, с. 69–71], как и еще ранее А.М. Щербак, предложили читать текст не от верхней строки к нижней, а от нижней к верхней, что, по замечанию И.Л. Кызласова [1998, с. 74], характерно для еще некоторой части енисейских текстов и, что немаловажно, для орхонских тюркских надписей. Другое важное обстоятельство – это наличие в надписи Уюк-Аржан графем редких форм, что, по мнению И.Л. Кызласова [2015, с. 200], является отражением «древнего и архаичного рунического алфавита».

Систематическое употребление рунических знаков редких форм и лигатур характерно для относительно незначительного числа енисейских памятников (Е 2; Е 15; Е 16; Е 41; Е 42; Е 49; Е 56; Е 65; Е 68/об) [Кызласов, 1994, с. 118, табл. XXXI, 119, табл. XXXII, 120, табл. XXXIII; 2015, с. 199, рис. 3]. Это, вероятно, также позволяет как-то по-особому отметить их, с учетом того, что, хотя все они происходят с территории Тувы, но из разных районов и при этом принадлежат к разным тамговым группам. Для И.В. Кормушина [1975, с. 45; 1997, с. 27] наличие таких сложных знаков – показатель позднего происхождения содержащих их надписей. Действительно, памятник у с. Малиновка (Е 56), согласно Л.Р. Кызласову, относится к XI–XII вв. [Кызласов, 1960, с. 103; 1969, с. 112, 120; ср.: Нечаева, 1966, с. 140, прим. 104]. Однако пример памятника Уюк-Аржан показывает, что данные формы знаков должны считаться относительно ранними, что почему-то не принял И.В. Кормушин [1997, с. 17]. Но, как ясно из факта поздней датировки памятника у с. Малиновка, приходится считать, что этот вариант древнетюркского письма бытовал, по крайней мере на территории Тувы, очень длительный срок. Л. Базен в то же время отмечал необходимость учета и лингвистического контекста, который, однако, не обнаруживает никаких архаичных форм (озвончение датива после сonorных *+KA* > *+GA* в Е 15 и Е 41, множественное число на *+lAr* в Е 16 и др.) [Bazin, 1991, р. 99]. Из этого ясно, что «чистая» палеография мало что дает для реальной датировки этих текстов.

Заключение

Таким образом, памятник Уюк-Аржан открывает значительные перспективы для изучения не только этнокультурных процессов, но и отчасти социально-политической истории Тувы в раннем средневековье, становясь, будучи более или менее четко датированным, своеобразной точкой отсчета для выявления специфики взаимодействий различных групп тюркоязычного населения в условиях меняющейся политической ситуации на периферии Центральной Азии. Уточнение прочтений других памятников древнетюркской рунической письменности, связанных с ним единством тамги, и обнаружение новых подобных объектов, а также целенаправленные археологические исследования на территории Тувы, несомненно, внесут значительно большую ясность в реконструкцию историко-культурного контекста их бытования. Нет сомнений, что именно комплексный подход ко всему материалу позволит наполнить конкретным содержанием представления об особенностях этнополитической истории Тувы периода кыргызского владычества.

Библиографический список

- Адрианов А.В. Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 146 с.
Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф. Современная и древняя Енисеика. Фрунзе : АН Киргизии, 1962. 252 с.

- Беликова О.Б. Последняя экспедиция А.В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 570 с.
- Вайнштейн С.И. Курганы и стела с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1963. Вып. X. С. 264–267.
- Вайнштейн С.И. Памятники 2-й половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М. ; Л. : Наука, 1966. Т. II. С. 292–334.
- Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). М. : Наука, 1983а. 160 с.
- Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л. : Наука, 1983б. 128 с.
- Викторова Л.Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М. : Наука, 1980. 224 с.
- Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в Центре Тувы. Эйлиг-Хем-III как источник по средневековой истории Тувы. М. : Фундамента-Пресс, 1998. 84 с.
- Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. 224 с.
- Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл : ТНИИЯЛИ, 1980. С. 77–94.
- Длужневская Г.В., Семенов Вл.А. Кыргызские курганы правобережной Тувы // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск : ИИФФ СО АН СССР, 1990. С. 76–85.
- Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л. : Наука, 1969. XXXVIII. 714 с.
- Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы : Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
- Кисель В.А., Николаев Н.Н., Хаврин С.В. Некоторые итоги исследования средневековых захоронений могильника Догээ-Баары в Туве // Археологические экспедиции за 2003 год. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 24–36.
- Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб. : Наука, 2006. 592 с.
- Кляшторный С.Г. Вторая Бай-Булунская стела // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб. : ЭлекСис. 2013а. С. 223–229.
- Кляшторный С.Г. Согдийский вельможа в государстве енисейских кыргызов // Scripta antiqua. М. : Собрание, 2013б. Т. III. С. 237–240.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : СПбГУ, 2005. 346 с.
- Кормушин И.В. К основным понятиям тюркской рунической палеографии // Советская тюркология. 1975. №2, С. 25–47.
- Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М. : Наука, 1997. 303 с.
- Кормушин И.В. Древние тюркские языки. Абакан : Изд-во Хакасск. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2004. 336 с.
- Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М. : Наука, 2008. 342 с.
- Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М. : Вост. лит-ра, 1994. 327 с.
- Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология. 1998. №2. С. 68–84.
- Кызласов И.Л. Новый тип поминальных памятников тюркоязычного населения Южной Сибири (к расселению и ранней истории чиков) // Российская археология. 2010. №4. С. 88–100.
- Кызласов И.Л. К выделению автохтонных рунических памятников Тувы VIII–XII вв. // Alkis bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov : сб. ст. к 80-летию Д.М. Насилова. М. : МБА, 2015. С. 195–206.
- Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. 1960. №3. С. 93–120.
- Кызласов Л.Р. Новый памятник енисейской письменности // Советская этнография. 1965а. №2. С. 104–113.

- Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. 1965б. №3. С. 38–49.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М. : Изд-во МГУ, 1969. 211 с.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : Изд-во МГУ, 1979а. 207 с.
- Кызласов Л.Р. Курганы тюркоязычных племен Северной Тувы IX–Х вв. // Изв. СО АН СССР. Сер. Общественные науки. 1979б. №1. Вып. 1. С. 105–112.
- Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX–Х вв.) // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1981. С. 54–59.
- Кызласов Л.Р. Курганы тюхтятской культуры в Туве (по материалам раскопок 1915–1929 гг.) // Советская археология. 1983. №3. С. 153–170.
- Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 114 с.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 113 с.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1997. С. 115–129.
- Насилов Д.М. [Рец. на] И.В. Кормушин. Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и исследования. М.: Наука, 1997. 304 с. // Вопросы языкоznания. 2000. №3. С. 122–126.
- Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск : Наука, 1990. 143 с.
- Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчик. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 108–142.
- Понарядов В.В. Диалектная дифференциация в языке енисейских рунических надписей // Вопросы языкоznания. 2007. №2. С. 127–132.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1982. С. 102–122.
- Севортьян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М. : Наука, 1974. 767 с.
- Семенов Вл.А., Килуновская М.Е., Глухов В.О., Завьялов В.А., Садыков Т.Р., Смирнов Н.Ю. Предварительные итоги исследований Тувинской археологической экспедиции в 2013 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. 2014. №4. С. 327–366.
- Серегин Н.Н. «Одиночные» погребения раннесредневековых тюрок Алтая–Саянского региона и Центральной Азии: этнокультурная и социальная интерпретация // Теория и практика археологических исследований. 2013. Вып. 2(8). С. 100–108.
- Серегин Н.Н. Специфика формирования «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрок: опыт реконструкции // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : История, филология. 2014. Т. 13, №5. С. 177–185.
- Супруненко Г.П. Из древнекыргызской ономастики // Советская тюркология. 1970. №3. С. 79–81.
- Тишин В.В. «Мой род Барса...»: к вопросу о социальной терминологии в памятниках древнетюркской рунической письменности енисейского бассейна // Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН. 2018. №1(29). С. 110–119.
- Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 1997. Т. IV. С. 369–373.
- Щербак А.М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрок, границы ее распространения и особенности использования. СПб. : Наука, 2001. 152 с.
- Aydin E. Yenisey Yazılıları Nasıl Tarihendirilebilir? // Turkish Studies. 2012. Vol. 7/2. P. 161–168.
- Aydin E. Yenisey Yazılılarında Geçen Unvanlar ve Unvan Niteleyicileri // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten. 2016. Cilt. 59. Sayı 2. S. 5–26.
- Bai Yudong [白玉冬]. The Kingdom of the Toquz Tatar during the 10th and 11th Centuries [10 Seiki kara 11 seiki ni okeru ‘kyū sei tataru-koku’ (10世紀から11世紀における「九姓タル国」)] // Tōyō

Gakuhō (Reports of the Oriental Society) [東洋学報]. 2011. 第93卷. 第1号. P. 01–027 (на яп. яз. с англ. резюме на p. iii–iv).

Bazin L. Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1991 (Bibliotheca orientalis Hungarica. XXXIV). 571 p.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford : Clarendon Press, 1972. XLVIII, 989 p.

Drompp M.R. The Yenisei Kyrgyz from Early Times to the Mongol Conquest // The Turks. Ankara: Yeni Türkiye Publications, 2002. Vol. 1. Early Ages. P. 480–488.

Erdal M. Anmerkungen zu den Jenissei-Inchriften // Splitter aus der Gegend von Turfan. Festschrift für Peter Zieme anlässlich seines 60. Geburtstags. İstanbul; Berlin: Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi, 2002. S. 51–73.

Erdal M. Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991 (Turcologica. Bd. 7). Vol. I-II. XIV. 874 p.

Ponaryadov V.V. Yenisey runik yazılarında şiverelin izleri // Journal of Turkisch Linguistics. 2007. №1. P. 136–141.

Pulleyblank E.G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver: UBC Press, 1991. VII, 488 p.

Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006 (Publications of the Institute for Asian and African Studies. 8). XXXV, 841 S.

Rybatzki V. Die Toñuquq-Inchrift. Szeged, 1997 (Studia uralo-altaica. 40). 132 S.

Schuessler A. Minimal Old Chinese and later Han Chinese: a companion to Grammata serica recensa. Honolulu: University of Hawaii Press, 2009. XXIV, 421 p.

Sertkaya O.F. Altay, Yenisey ve Moğolistan Yazıtları Üzerine Notlar // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi. 2014. Sayı 3/3. S. 1–13.

Sertkaya O.F. Yenisey Yazıtlarından 10, 25, 41, 51, 70, 109 ve 110 Üzerine Etimolojik Açıklamalar ile Düzeltmeler // Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. 2008. Cilt 39. Sayı 39. S. 209–228.

Sertkaya O.F. Yenisey Yazıtlarından E-10'da $K^2\tilde{W}R^2T^2L^2$, E-52'de İse $K^2\tilde{W}R^2T^2L^2A$ Şeklinde Geçen Kelimeyi ‘Kür(ü)t(ü)’ mü Yoksa ‘Körtle’ mi Okumalıyız? // Journal of Turkic Studies. 2017. Vol. 1/1. P. 113–127.

Şirin User H. Hakasya Bulgusu Eski Bir Türk Mezar Taşı: Açıru (Oçuri, Ye 26) Yazıt // Türkbilig. 2009a. Cilt 17. S. 158–174.

Şirin User H. Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. Konya, 2009b (Kömen Yayınları 32; Türk Dili Dizisi 1). 548 s.

Şirin User H. Re-reading and Re-interpretation of Some of the Yenisei Inscriptions // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2011a. Vol. 64(2). P. 117–127.

Tekin T. Elegest (Körtle Han) Yazıt // Türk dilleri Araştırmaları. 1995. Sayı 5. S. 19–32.

Yıldırım F., Aydin E., Alimov R. Yenisey–Kirgızistan Yazıtları ve Irk Bitig. Ankara : BilgeSu, 2013. 512 s.

Reference

Adrianov A.V. Dnevnik arheologicheskikh issledovanija 1915–1916 gg. v Urjanhajskom krae (Tuva) [The Diary of Archaeological Research of 1915-1916. in the Uryanghai Territory (Tuva)]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2008. 146 p.

Batmanov I.A., Aragachi Z.B., Babushkin G.F. Sovremennaja i drevnjaja Eniseika [Modern and Ancient Eniseika]. Frunze : AN Kirgizii, 1962. 252 p.

Belikova O.B. Poslednjaja jekspedicija A.V. Adrianova: Tuva, 1915–1916 gg. Arheologicheskie issledovanija (istochnikovedcheskij aspekt) [The Last Expedition of A.V. Adrianova: Tuva, 1915–1916. Archaeological Research (source study aspect)]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2014. 570 p.

Vajnshtejn S.I. Kurgany i stela s drevnetjurkskoj nadpis'ju v urochishhe Herbis-Baary [Mounds and Stele with Ancient Turkic Inscription in the Tract of Herbis-Baara]. Uchenye zapiski TNIIJaLI [Scientific Notes]. 1963. Issue X. Pp. 264–267.

Vajnshtejn S.I. Pamjatniki vtoroj poloviny I tysjacheletija v Zapadnoj Tuve [The Sites of the Second Half of the First Millennium in Western Tuva]. Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arheologo-jetnograficheskoy jekspedicii [Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition]. M.; L. : Nauka, 1966. Vol. II. Pp. 292–334.

Vasil'ev D.D. Graficheskij fond pamjatnikov tjurkskoj runicheskoy pis'mennosti Aziatskogo areala (opyt sistematizacii) [Graphic Fund of the Monuments of the Turkic Runic Writing of the Asian Area (systematization experience)]. M. : Nauka, 1983a. 160 p.

Vasil'ev D.D. Korpus tjurkskih runicheskikh pamjatnikov bassejna Eniseja [The Complex of Turkic Runic Monuments of the Yenisei Basin]. L. : Nauka, 1983b. 128 p.

Viktorova L.L. Mongoly: Proishozhdenie naroda i istoki kul'tury [Mongolia: The Origin of the People and the Origins of Culture]. M. : Nauka, 1980. 224 p.

Grach A.D., Savinov D.G., Dluzhnevskaja G.V. Enisejskie kyrgyzy v Centre Tuvy. Jejlig-Hem-III kak istochnik po srednevekovoj istorii Tuvy [Enisei Kyrgyz in the Center of Tuva. Eilige-Hem-III as a Source on the Medieval History of Tuva]. M. : Fundamenta-Press, 1998. 84 p.

Dashkovskij P.K. Kyrgyzy na Altai v kontekste jetnokul'turnyh processov v Central'noj Azii [Kyrgyz in Altai in the Context of Ethnocultural Processes in Central Asia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2015. 224 p.

Dluzhnevskaja G.V., Ovchinnikova B.B. Kochevoe naselenie Tuvy v rannem srednevekov'e [The Nomadic Population of Tuva in the Early Middle Ages]. Novejshie issledovanija po arheologii Tuvy i jetnogenetiku tuvincov [The Latest Research on the Archaeology of Tuva and the Ethnogenesis of the Tuvinians]. Kyzyl : TNIIJaLI, 1980. Pp. 77–94.

Dluzhnevskaja G.V., Semenov V.I.A. Kyrgyzskie kurgany pravoberezhnoj Tuvy [Kyrgyz Barrows of the Right Bank of Tuva]. Pamjatniki kyrgyzskoj kul'tury v Severnoj i Central'noj Azii [Monuments of Kyrgyz Culture in North and Central Asia]. Novosibirsk : IIFF SO AN SSSR, 1990. Pp. 76–85.

Drevnetjurkskij slovar' [Old Turkic Dictionary] / pod red. V.M. Nadeljaeva, D.M. Nasilova, Je.R. Tenisheva, A.M. Shherbaka [Ed. by V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, Je.R. Tenishev, A.M. Shherbak]. L. : Nauka, 1969. XXXVIII, 714 p.

Zuev Ju.A. Rannie tjurki: ocherki istorii i ideologii [Early Turks: Essays on History and Ideology]. Almaty : Dajk-Press, 2002. 338 p.

Kisel' V.A., Nikolaev N.N., Havrin S.V. Nekotorye itogi issledovanija srednevekovyh zahoronenij mogil'nika Dogjeje-Baary v Tuve [Some Results of the Study of Medieval Burials of the Doge-Baara Cemetery in Tuva]. Arheologicheskie jekspedicii za 2003 god [Archaeological Expeditions for 2003]. SPb. : Izd-vo Gos. Jermitazha, 2004. Pp. 24–36.

Kljashtornyj S.G. Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti i jetnokul'turnaja istorija Central'noj Azii [Monuments of Ancient Turkic Writing and Ethnocultural History of Central Asia]. SPb. : Nauka, 2006. 592 p.

Kljashtornyj S.G. Vtoraja Baj-Bulunskaja stela [The Second Bay-Bulun Stele] // Drevnie tiurki v Tsentral'noj Tuve (po materialam rabot Saiano-Tuvinskoi ekspeditsii) [Ancient Turks (According to Materials of Sayan-Tuva Expedition)]. SPb.: ElekSis. 2013a. Pp. 223–229.

Kljashtornyj C.G. Sogdijskij vel'mozha v gosudarstve enisejskikh kyrgyzov [Sogdian Nobleman in the Yenisei Kyrgyz State]. Scripta antiqua [Scripta antiqua]. M. : Sobranie, 2013b. Vol. III. Pp. 237–240.

Kljashtornyj S.G., Savinov D.G. Stepnye imperii drevnej Evrazii [Steppe Empires of Ancient Eurasia]. SPb. : SPbGU, 2005. 346 p.

Kormushin I.V. K osnovnym ponjamijam tjurkskoj runicheskoy paleografi [To the Basic Concepts of the Turkic Runic Paleography]. Sovetskaja tjurkologija [Soviet Turkology]. 1975. №2. Pp. 25–47.

Kormushin I.V. Tjurkskie enisejskie jepitafii. Teksty i issledovanija [Turkic Yenisei Epitaphs. Texts and Research]. M. : Nauka, 1997. 303 p.

Kormushin I.V. Drevnie tjurkskie jazyki [Ancient Turkic Languages]. Abakan : Izd-vo Hakassk. gos. un-ta im. N.F. Katanova, 2004. 336 p.

Kormushin I.V. Tjurkskie enisejskie jepitafii: grammatika, tekstologija [Tirkic Yenisei Epitaphs]. M. : Nauka, 2008. 342 p.

Kyzlasov I.L. Runicheskie pis'mennosti evrazijskih stepej [Runic Written Languages of Eurasia Steppes]. M. : Vost. lit-ra, 1994. 327 p.

Kyzlasov I.L. Materialy k rannej istorii tjurkov. III. Drevnejshie svidetel'stva o pis'mennosti [Material on the Early Turkic History. III. Ancient Proof on the Written Language]. Rossijskaja arheologija [Russian Archaeology]. 1998. №2. Pp. 68–84.

Kyzlasov I.L. Novyj tip pominal'nyh pamjatnikov tjurkojazychnogo naselenija Juzhnoj Sibiri (k rasseleniju i rannej istorii chikov) [A New Type of Memorials of the Turkic Population of Southern Siberia (to the Settlement and Early History of The Zugii)]. Rossijskaja arheologija [Russian Archaeology]. 2010. №4. Pp. 88–100.

Kyzlasov I.L. K vydeleniju avtohtonnyh runicheskikh pamjatnikov Tuvy VIII–XII vv. [The Distinguishing of the Autochthonous Runic Monuments in Tuva in the 8th–12th centuries]. Alkis bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov : sb. st. k 80-letiju [Collection of Stories to the 80th Anniversary of D.M. Nasilov]. M. : MBA, 2015. Pp. 195–206.

Kyzlasov L.R. Novaja datirovka pamjatnikov enisejskoj pis'mennosti [New Dating of the Yenisei Writing Monuments]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1960. №3. Pp. 93–120.

Kyzlasov L.R. Novyj pamjatnik enisejskoj pis'mennosti [A New Monument of the Yenisei Written Language]. Sovetskaja jetnografija [Soviet Ethnography]. 1965a. №2. Pp. 104–113.

Kyzlasov L.R. O datirovke pamjatnikov enisejskoj pis'mennosti [On the Dating of the Yenisei Writing Monuments]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1965b. №3. Pp. 38–49.

Kyzlasov L.R. Istorija Tuvy v srednie veka [History of Tuva in the Middle Ages]. M. : Izd-vo MGU, 1969. 211 p.

Kyzlasov L.R. Drevnjaja Tova (ot paleolita do IX v.) [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th Century]. M. : Izd-vo MGU, 1979a. 207 p.

Kyzlasov L.R. Kurgany tjurkojazychnyh plemen Severnoj Tuvy IX–X vv. [Mounds of the Turkic Speaking Tribes]. Izvestija SO AN SSSR. Ser. Obshhestvennye nauki [Bullitin of the SB AS of the USSR. Series Public Sciences]. 1979b. №1. Vyp. 1. Pp. 105–112.

Kyzlasov L.R. Tjuhtjatskaja kul'tura drevnih hakasov (IX–X vv.) [Tyuchtyatskaya Culture of Ancient Khakassians]. Stepi Evrazii v jepohu Srednevekov'ja [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. M. : Nauka, 1981. Pp. 54–59.

Kyzlasov L.R. Kurgany tjuhtjatskoy kul'tury v Tuve (po materialam raskopok 1915–1929 gg.) [Mounds of the Tyukhtyatskaya Culture in Tuva]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1983. №3. Pp. 153–170.

Malov S.E. Enisejskaja pis'mennost' tjurkov. Teksty i perevody [Yenisei Turkic Writing. Texts and Translations]. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1952. 114 p.

Malov S.E. Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti Mongolii i Kirgizii [Monuments of Ancient Turkic Writing of Mongolia and Kirgizia]. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1959. 113 p.

Mamadakov Ju.T., Gorbunov V.V. Drevnetjurkskie kurgany mogil'nika Katanda-III [Ancient Turkic Barrows of the Katanda-III Burial Mound]. Izvestija laboratorii arheologii. Gorno-Altajsk : GAGU, 1997. Pp. 115–129.

Nasilov D.M. [Review of] I.V. Kormushin. Tjurkskie enisejskie jepitafii: Teksty i issledovanija [Turkic Yenisei Epitaphs: Texts and Research]. M.: Nauka, 1997. 304 s. Voprosy jazykoznanija 2000. №3. [Questions of Language Studies]. Pp. 122–126.

Nesterov S.P. Kon' v kul'tah tjurkojazychnyh plemen Central'noj Azii v jepohu srednevekov'ja [The Horse in the Cults Turkic Speaking Languages of Central Asia in the Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1990. 143 p.

Nechaeva L.G. Pogrebenija s truposozhzeniem mogil'nika Tora-Tal-Arty [Burials with Bodies Burning at the Tora-Tal-Arty Burial Ground]. Trudy Tuvinskoy kompleksnoj arheologo-jetnograficheskoy jekspedicii. T. II. Materialy po jetnografii i arheologii rajonov bassejna r. Hemchik [Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographical Expeditions. Vol. II. Material on the Ethnography and Archaeology of the Early Basin of the Hemchik River]. M.; L. : Nauka, 1966. Pp. 108–142.

Ponarjadov V.V. Dialekttnaja differenciacija v jazyke enisejskih runicheskikh nadpisej [Dialectal Differentiation in the Language of Runic Inscriptions]. Voprosy jazykoznanija [Issues of Language Studies]. 2007. №2. Pp. 127–132.

Savinov D.G. Drevnetjurkskie kurgany Uzuntala (k voprosu o vydelenii kurajskoj kul'tury) [Ancient Turkic Mounds of Uzuntal (to the issue of Distinguishing of Kuraiskaya Culture]. Arheologija Severnoj Azii [Archaeology of Northern Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1982. Pp. 102–122.

Severtjan Je.V. Jetimologicheskij slovar' tjurkskikh jazykov (Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na glasnye) [Etymological Dictionary of Turkic Languages (Common Turkic and Inter-Turkic Bases Beginning with Vowels)]. M. : Nauka, 1974. 767 p.

Semenov V.I.A., Kilunovskaja M.E., Gluhov V.O., Zav'jalov V.A., Sadykov T.R., Smirnov N.Ju. Predvaritel'nye itogi issledovanij Tuvinskoy arheologicheskoy jekspedicii v 2013 g. [Preliminary Results of the Tuva Archaeological Expedition in 2013]. Buletin' Instituta istorii material'noj kul'tury RAN [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]. 2014. №4. Pp. 327–366.

Seregin N.N. «Odinochnye» pogrebenija rannesrednevekovyh tjurok Altae-Sajanskogo regiona i Central'noj Azii: jetnokul'turnaja i social'naja interpretacija [“Single” Burials of Early Medieval Turks of the Altai-Sayan Region and Central Asia: Ethno-Cultural and Social Interpretation]. Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij. 2013. Vyp. 2(8) [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2013. Vol. 2 (8)]. Pp. 100–108.

Seregin N.N. Specifika formirovaniya «minusinskogo» lokal'nogo varianta kul'tury rannesrednevekovyh tjurok: opyt rekonstrukcii [Specificity of the Formation of the “Minusinsk” Local Variant of the Culture of Early Medieval Turks: the Experience of Reconstruction]. Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser. : Isto-rija, filologija. 2014. T. 13, №5 [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2014. Vol. 13, No. 5]. Pp. 177–185.

Suprunenko G.P. Iz drevnekyrgyzskoj onomastiki [From Ancient Kyrgyz Onomastics]. Sovetskaja turkologija [Soviet Turcology]. 1970. №3. Pp. 79–81.

Tishin V.V. «Moj rod Barsa...»: k voprosu o social'noj terminologii v pamjatnikah drevnetjurkskoj runicheskoy pis'mennosti enisejskogo bassejna [“My Leopard Family ...”: to the Issue of Social Terminology in the Monuments of the Ancient Türkic Runic Writing of the Yenisei Basin]. Vestn. Burjat. nauch. centra SO RAN. 2018 [Vestnik of the Buryat. Scientific Center of the SB RAS]. №1(29). Pp. 110–119.

Hudjakov Ju.S., Borisenko A.Ju. Svoeobraznoe vpusknoe pogrebenie drevnetjurkskogo vremeni na mogil'niye Tjangys-Tyt [A Peculiar Inlet Burial of Ancient Türkic Times on the Tyangys-Tyt Burial Ground]. Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : IAJeT SO RAN, 1997. Vol. IV. Pp. 369–373.

Shherbak A.M. Tjurkskaja runika. Proishozhdenie drevnejshej pis'mennosti tjurok, granicy ee rasprostranenija i osobennosti ispol'zovaniya [Türkic Runic. The Origin of the Earliest Written Language of the Turks, the Boundaries of its Distribution and the Peculiarities of its Use]. SPb. : Nauka, 2001. 152 p.

Aydin E. Yenisey Yazitlari Nasıl Tarihlendirilebilir? // Turkish Studies. 2012. Vol. 7/2. Pp. 161–168.

Aydin E. Yenisey Yazitlarında Geçen Unvanlar ve Unvan Niteleyicileri // Türk Dili Araştırmaları Yılığı Belleten. 2016. Cilt. 59. Sayı 2. Pp. 5–26.

Bai Yudong [白玉冬]. The Kingdom of the Toquz Tatar during the 10th and 11th Centuries [10 Seiki kara 11 seiki ni okeru ‘kyū sei tataru-koku’ (10世紀から11世紀における「九姓タタル国」)] // Tōyō Gakuhō (Reports of the Oriental Society) [東洋学報]. 2011. 第93卷. 第1号. P. 01–027 (in Japanese with an English Abstract p. iii–iv).

Bazin L. Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991 (Bibliotheca orientalis Hungarica. XXXIV). 571 p.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford : Clarendon Press, 1972. XLVIII. 989 p.

Drompp M.R. The Yenisei Kyrgyz from Early Times to the Mongol Conquest // The Turks. Ankara: Yeni Türkiye Publications, 2002. Vol. 1. Early Ages. P. 480–488.

Erdal M. Anmerkungen zu den Jenissei-Inchriften // Splitter aus der Gegend von Turfan. Festschrift für Peter Zieme anlässlich seines 60. Geburtstags. İstanbul; Berlin: Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi, 2002. S. 51–73.

Erdal M. Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991 (Turcologica. Bd. 7). Vol. I-II. XIV, 874 p.

Ponaryadov V.V. Yenisey runik yazitlarında şiverelin izleri // Journal of Turkish Linguistics. 2007. №1. P. 136–141.

- Pulleyblank E.G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver: UBC Press, 1991. VII. 488 p.
- Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006 (Publications of the Institute for Asian and African Studies. 8). XXXV, 841 S.
- Rybatzki V. Die Toñuquq-Inschrift. Szeged, 1997 (Studia uralo-altaica. 40). 132 S.
- Schuessler A. Minimal Old Chinese and later Han Chinese: a companion to Grammata serica recensa. Honolulu: University of Hawaii Press, 2009. XXIV. 421 p.
- Sertkaya O.F. Altay, Yenisey ve Moğolistan Yazıtları Üzerine Notlar // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi. 2014. Sayı 3/3. S. 1–13.
- Sertkaya O.F. Yenisey Yazıtlarından 10, 25, 41, 51, 70, 109 ve 110 Üzerine Etimolojik Açıklamalar ile Düzeltmeler // Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. 2008. Cilt 39. Sayı 39. S. 209–228.
- Sertkaya O.F. Yenisey Yazıtlarından E-10'da K²WR²T²L², E-52'de İse K²WR²T²L²A Şeklinde Geçen Kelimeyi 'Kür(ü)t(ü)' mü Yoksa 'Körtle' mi Okumalıyız? // Journal of Turkic Studies. 2017. Vol. 1/1. P. 113–127.
- Şirin User H. Hakasya Bulgusu Eski Bir Türk Mezar Taşı: Açıru (Oçuri, Ye 26) Yazıtı // Türkbilg. 2009a. Cilt 17. S. 158–174.
- Şirin User H. Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. Konya, 2009b (Kömen Yayınları 32; Türk Dili Dizisi 1). 548 s.
- Şirin User H. Re-reading and Re-interpretation of Some of the Yenisei Inscriptions // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2011a. Vol. 64(2). P. 117–127.
- Tekin T. Elegest (Körtle Han) Yazıtı // Türk dilleri Araştırmaları. 1995. Sayı 5. S. 19–32.
- Yıldırım F., Aydin E., Alimov R. Yenisey–Kirgızistan Yazıtları ve Irk Bitig. Ankara : BilgeSu, 2013. 512 s.

V.V. Tishin¹, N.N. Seregin²

¹Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude, Russia;

²Altai State University, Barnaul, Russia

THE MAIN ASPECTS OF STUDYING THE UYUK-ARZHAN COMPLEX: THE PROBLEM OF RECONSTRUCTION OF THE PROCESSES OF ETHNO-CULTURAL INTERACTION IN THE TERRITORY OF TUVA IN THE EARLY MIDDLE AGES

The article presents the comprehensive study of the Uyuk-Arzhan site. This complex, located in the territory of Tuva, is notable for the combination of a fairly accurately dated burial with a stela containing runic inscription and tamga. The analysis of the excavation materials from the burial allows identifying the possibility to determine the location of the site in the system of objects from Tuva and adjacent territories in the early Middle Ages. A preliminary assumption was made about the existence in the region in the 7th – first half of the 9th centuries AD of a group of people whose traditions indicate the possibility of their connection with the population of Kokel culture. Because of its relative lapidary nature, neither the very content of the runic inscription on the stele, nor its spelling or paleographic features make it possible to extract any additional historical and cultural data. At the same time, the analysis of the tamga material in comparison with other similar sites of Tuva, based on indirect dating, gives grounds to construct a hypothetical scheme for the chronological distribution of these sites, considering the complex in question in the context of the ethno-cultural history of Tuva. In addition, the authors' analysis allowed confirming the hypothesis of I.L. Kyzlasov about the existence in the territory of Tuva in the pre-Kirkiz time of an original written tradition associated with the local Turkic-speaking population which existed even after its integration into the Kyrgyz-led political education and dissolution in the Kyrgyz culture. Thus, the Uyuk-Arzhan site opens significant prospects for studying not only ethno-cultural processes, but also partly socio-political history of Tuva in the early Middle Ages.

Key words: Tuva, early Middle Ages, Uyuk-Arzhan, runic writing, tamga, burial, barrow, stele, ethnocultural history.